

В. Л. Гурфинкель

Я ПОШЕЛ БЫ С НИМ В РАЗВЕДКУ!

Что такое весна? Она наступает, когда солнышко пригревает настолько, что хочется снять пиджак, а рядом идущая дама так хороша, что сил нет сдерживать все, соответствующие ее красоте, порывы... Но это весна минутная, мимолетная: потемнело небо — и нет настроения, опять руки утоплены в карманах, опять брови нахмурены... Настоящая весна, начиная с отрочества, приходит ко мне лишь тогда, когда я перечитаю «Евгения Онегина». Это неперемный ритуал, по завершении коего обязательно возникает желание поставить одноименный спектакль, но только на драматической сцене, не на музыкальной. Ведь музыкальный вариант предполагает существование в лице композитора некоего посредника, а с Пушкиным всегда хочется быть «на дружеской ноге»...

Оттого что весь этот год у нас есть повод говорить о нем, мир станет ярче, светлее и ... расхристаннее, что ли. Каждое время создает своего Пушкина, через сто лет его образ наверняка повернется к человечеству еще одной гранью, и уже не мы, а кто-то другой будет получать высочайшее удовольствие, оттого что он позволял себе — такое!..

Есть своего рода традиция говорить о великих с некоторым придыханием: вроде бы тоже люди, со своими слабостями, недостатками, но разве все это не искупается величием их духа, широтой мысли?.. Конечно-конечно, я даже не буду спорить! Но мне всегда нравился Пушкин-греховодник, Пушкин-легковёр, вошедший в русскую литературу «на тонких эротических ножках», как сказано в одной из последних книг о нем.

К концу жизни был он лысоват. Ну что вы, как можно представить Поэта без этих романтических кудрей — их снова и снова дорисовывают! Само время, милостивое к человеческой памяти, стирало эту деталь из сознания людей, имевших счастье выпить с Пушкиным штоф, и он становился все более и более кудрявым. Однако сегодня хочется крикнуть: «Да здравствует лысеющий Пушкин, открывающий русскую литературу в паре с Прекрасной Дамой!»

Всякий раз, надевая белую рубашку, затягивая галстук и понимая, что влезешь в униформу, думаешь: Господи, неужели двести лет назад этому человеку позволено было переходить все и всяческие грани! Нарушать любые запреты...

Получив Завет от Господа, Моисей написал на скрижалях десять заповедей. Но бытует легенда о том, что была еще и одиннадцатая. Она гласила: «Не бойся». По этой заповеди и жил Пушкин. Не бойся! Любой успех этого человека — социальный, личный, художественный — связан с моментом пренебрежения каким-то пределом. Ибо он знал: мерило в нас самих. Мы сами, отделяя зерна от плевел, должны понимать: способен творить — обращайся только к самому себе. Любой акт творчества имеет право быть таким, каким его создает творец.

Для меня невероятно важно неприятие поэтом официальной религии. Потому что Пушкин (наверное, сейчас я скажу нечто кошунственное), может быть, одним из первых осознал, что религия и вера — это понятия неоднозначные. Человек, живущий под дланью Божьей, он знал, что такое Господь и

что такое Вдохновение. Мой Пушкин прекрасно чувствовал, когда его рукой водит он сам, а когда — Высшая Воля. А если ты можешь знать такое, то зачем тебе церковь?.. В то же время на смертном одре он не отказал в царской просьбе о причастии. Ибо был законопослушен и понимал, что царь есть помазанник Божий.

Сказано в Писании: «И все, к чему бы ни прикасалась Его рука, носило отблеск Его руки». Что бы ни делал Пушкин, он делал гениально. Пасквиль ли создавал, брызгал ли желчью, силился ли удлинить свой донжуанский список, мараля ли бумагу — все-все он делал по максимуму. А это абсолютно мужское проявление — подходить к миру с максимальной меркой. Сейчас или никогда! Завтра такого дня уже не будет. Возможно, я больше никогда не буду говорить о Пушкине. Возможно, сегодня скажу сотую часть того, что хотелось бы, но сейчас это — мой максимум.

В моем сегодняшнем, 36-летнем, восприятии Пушкин — невероятно подвижный, миниатюрный человек, не расстающийся с увесистой железной палкой. Почему? Это же так понятно: в тот момент, когда он выйдет к барьеру, рука должна быть крепкой. Потому что, с его точки зрения, понятия чести и человеческого достоинства должны быть агрессивны! Ибо мужчина отстаивает их с оружием в руках.

Пушкин стрелялся безумное количество раз! И — чудо: Господь отводил от него руки дуэлянтов, не дал этому гению и самому измараться в человеческой крови. Он должен был иметь право чистым подойти к чистому листу... Иначе Поэт перестал бы быть чистым проводником, и Господь передал бы его талант кому-нибудь другому.

В наш женственно-созерцательно-вздыхающий век Пушкин — мужчина! Из тех, с кем даме не боязно прогуляться по ночному городу или заблудиться в лесу. Не знаю, пошел бы он со мною в разведку, но я бы с ним — пошел.

В. И. Финнова

ЭТИ ВСТРЕЧИ — ПРАЗДНИК

После окончания школы Лина Кегина решила поступать на филологический. Не сказать, что она уж очень увлекалась литературой, решение, скорее, было продиктовано безупречной грамотностью — писала всегда без ошибок. Попытка, однако, не удалась, одной грамотности оказалось недостаточно.

Рассудив, что специальность все равно приобретать надо, а вуз от нее никуда не уйдет, Лина выбрала ПТУ. Вскоре стала токарем-универсалом, и уже от станка, из заводского цеха пришла в УПИ. Только учеба опять не задалась: трудно, да и не очень-то интересно. И когда после студенческой практики, которую проходила на заводе электроавтоматики, ей предложили остаться в конструкторском отделе, согласилась.

У нее были самые аккуратные чертежи, самый красивый почерк, самая маленькая зарплата и самый тихий нрав.